

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2026-2-5-26>

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РАСШИРЕННОЙ ТУМАНГАНСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ: 30 ЛЕТ СПУСТЯ

М. В. Ниязова

Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия

Расширенную Туманганскую инициативу (РТИ) считают ведущим объединением экономического сотрудничества в Северо-Восточной Азии, действующим на протяжении тридцати лет. На ее развитие повлияли экономическая глобализация, геостратегические изменения и последовавший за этим рост протекционизма. В статье рассмотрены экономико-правовые особенности интеграционного сотрудничества в субрегионе. Проанализированы формы принятия решений в объединении и описаны торгово-экономические взаимоотношения между КНР, Россией, Республикой Корея и Монголией с использованием показателей товарооборота, индекса интенсивности торговли и индекса взаимодополняемости торговли. В результате выделены основные этапы институционального развития РТИ в международной экономической системе: международное правовое учреждение (1995–2004 гг.); институциональное переформатирование (2005–2010 гг.); функциональная интеграция (2011–2020 гг.); цифровой и экологический переход (с 2021 г.). Зародившись как классическая модель формирования субъекта международного права, за 30 лет РТИ трансформировалась в лабораторию мягкого права в СВА на основе кооперации и институционального взаимодействия. Институциональное развитие партнерства оказало косвенное влияние на взаимные торговые потоки стран-участниц, несмотря на демонстрацию высокой заинтересованности друг в друге. Совокупный импорт этих стран рос опережающими темпами, но под влиянием геополитической напряженности на направления торговли потоков. Индекс интенсивности торговли между странами-участницами подтверждает заинтересованность в партнерстве, однако имеется потенциал для роста. Индекс взаимодополняемости свидетельствует об относительной совместимости торговых профилей стран и иллюстрирует разнонаправленную тенденцию. Сделан вывод о необходимости повышения интенсивности и комплементарности торговли на основе принципа взаимной выгоды для всех участников.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, эволюция, экономическое сотрудничество, взаимная торговля, индекс интенсивности торговли, индекс взаимодополняемости торговли, санкции.

INSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF THE GREATER TUMEN INITIATIVE: 30 YEARS ON

Marina V. Niyazova

Vladivostok State University, Vladivostok, Russia

The Greater Tumen Initiative (GTI) regards as the leading economic cooperation framework in Northeast Asia, having been in operation for thirty years. Its development is under economic

globalization, geostrategic shifts, and the subsequent rise of protectionism. This article examines the economic and legal characteristics of integration cooperation in the subregion. It analyzes the forms of decision-making within the association and describes the trade and economic relations between China, Russia, the Republic of Korea, and Mongolia using indicators of trade turnover, the trade intensity index, and the trade complementarity index. As a result, the main stages of the GTI's institutional development within the international economic system identify: international legal establishment (1995–2004); institutional restructuring (2005–2010); functional integration (2011–2020); digital and environmental transition (since 2021). Having emerged from the classical model of forming a subject of international law, over 30 years the GTI transforms into a «soft law» laboratory in the NEA based on cooperation and institutional interaction. The institutional development of the partnership has an indirect impact on the mutual trade flows of the participating countries, despite the high level of interest they show in one another. The aggregate imports of these countries grew at a faster pace, but trade flows are under geopolitical tensions. The trade intensity index between the participating countries confirms interest in the partnership, but there is potential for growth. The trade complementarity index indicates the relative compatibility of the countries' trade profiles and illustrates a divergent trend. It concludes that there is a need to increase the intensity and complementarity of trade based on the principle of mutual benefit for all participants.

Keywords: Northeast Asia, evolution, economic cooperation, mutual trade, trade intensity index, trade complementarity index, sanctions.

Введение

В 2025 г. исполнилось 30 лет со дня подписания в Нью-Йорке межправительственного соглашения, с которого началось формирование регионального экономического объединения, ныне известного как Расширенная Туманганская инициатива (РТИ). Изначально призванная стимулировать экономическое развитие бассейна реки Туманной (Туманган), РТИ прошла значительный путь эволюции и сегодня «нацелена на укрепление потенциала сотрудничества в Северо-Восточной Азии»¹ (СВА) между странами-участницами по линии регионов в приоритетных секторах. Показательно, что юбилейный год проходит под председательством России в РТИ.

Уникальность роли РТИ в регионе подчеркивают как на уровне глав государств партнерства, так и научного сообщества [4; 6; 26]. Особое внимание этому вопросу уделяют представители Российской академии наук, а традиционной дискуссионной площадкой стали ведущие научные журналы в сфере международных отношений. Так, в последних публикациях Г. Д. Толорая дана историко-политическая оценка двусторон-

¹ См.: Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в новую эпоху в ознаменование 80-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, Победы китайского народа в Войне сопротивления японской агрессии и образования Организации Объединенных Наций. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6309> (дата обращения: 11.11.2025).

ним отношениям, прежде всего КНДР, Российской Федерации и КНР, акцентировано внимание на наличии «существенного геополитического измерения» во «взаимодействии России, Китая и двух государств Корейского полуострова по развитию бассейна пограничной реки Туманная» [13. – С. 141]. Отмечены экономико-политические риски инициатив КНР для суверенитета Российской Федерации и КНДР над территориями в бассейне реки Туманной. Анализу экономического и политического обоснования интереса КНР в РТИ посвящено исследование Л. В. Забровской [5]. Указывая на наличие почвы для дальнейшего развития отдельных направлений социально-экономического взаимодействия стран СВА, нами сделан вывод об отсутствии прогресса в создании экономического сообщества стран-участниц в связи с различиями в социально-политическом устройстве. В. Л. Ларин среди препятствий интеграционным процессам (в том числе бассейна реки Туманной) выделяет, помимо чрезмерной амбициозности китайской стороны, «последствия пандемии COVID-19, похолодание в отношениях России с Японией и Южной Кореей, санкции ООН против КНДР, замедление экономического роста в самом Китае и др.» [7. – С. 67].

В свою очередь зарубежные исследователи рассматривают РТИ как пример микрорегионального сотрудничества в СВА, отмечают общий позитивный вектор расширения повестки и комитетов при небольшом разнообразии участников, слабой вовлеченности частного сектора, указывают на сложность оценки его достижений из-за дефицита заметных результатов [13; 14]. Попытка проанализировать выгоды от регионального развития с использованием теории распределения выгод (Benefit Sharing), показала состояние застоя из-за выхода КНДР, отсутствия лидерства и нехватки финансовых средств. Тем не менее утверждается о способствовании РТИ выявлению общих интересов стран-участниц и оказании содействия в укреплении региона [19]. Отмечена преемственность этапов развития трансграничного экономического сотрудничества в субрегионе, в ходе которого ослабевает роль Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) и усиливается значение национального уровня стран объединения, участие их регионов и местных органов власти возрастает, а политические консультации и экономическое сотрудничество становятся частью глобальной геополитической обстановки [4; 16–18].

Ряд исследований посвящен отдельным направлениям развития в регионе. Например, уделено внимание возможностям расширения партнерства в туристской индустрии [10]. Также научные публикации последних лет связаны с созданием регионального механизма экологической компенсации и содействия комплексному управлению водными ресурсами в бассейне реки Туманной [19; 28; 29] и ее рыбного биоразнооб-

разия [30], проблемами и перспективами развития трансграничных пассажирских и туристических перевозок [24], а также развитием интегрированной транспортно-логистической сети [2; 25; 27] и механизмов энергетического сотрудничества [8]. РТИ рассматривают как пример многостороннего сотрудничества, способствующий созданию более эффективных, информированных, прозрачных и предсказуемых инвестиционных условий вокруг инфраструктурных планов и проектов [22]. На фоне продолжающейся дискуссии о потенциале использования географических преимуществ бассейна реки Туманной [9] в последнее время эффективность функционирования регионального экономического объединения видится в контексте развития Северного морского пути¹ как элемента стыковки евразийских транспортных коридоров [20] и даже инструмента геополитического позиционирования отдельных стран-участниц [12], и свидетельствует о том, что РТИ трансформировалась в неотъемлемый элемент архитектуры международных отношений.

История РТИ совпала с беспрецедентными вызовами геостратегических изменений и экономической глобализации как для всего мира, так и для стран-участниц партнерства. В такой ситуации только непрерывная адаптация позволяет развиваться. Однако исследования динамики становления и функционирования этого объединения как субъекта международного экономического права отсутствуют, что препятствует пониманию его эволюции и перспектив.

Обозначенная проблема определяет цель нашего исследования. На основе многолетних исследований в статье акцентируется внимание на анализе развития РТИ в международной экономической системе во взаимосвязи с экономическими показателями, характеризующими интенсивность и взаимодополняемость торговых отношений стран-участниц. Для этого, во-первых, введены в научный оборот источники РТИ, на основании которых она создана и функционирует, дан сравнительный анализ их содержания и выделены этапы развития объединения как субъекта. Во-вторых, используя исторический и статистические методы анализа, исследованы абсолютные и относительные показатели взаимного товарооборота Китайской Народной Республики, Монголии, Республики Корея и Российской Федерации на основе данных о фактическом объеме импорта, считающегося из опыта других стран более достоверным источником о торговле между странами-партнерами, а также индексы интенсивности и комплементарности торговли. В завершение

¹ См.: Концепция международного сотрудничества в бассейне реки Туманная в контексте развития инфраструктуры Северного морского пути. – URL: <https://www.rscf.ru/project/25-28-20456/> (дата обращения: 11.11.2025).

сопоставлены этапы институционального развития и динамика торговли, выделены тенденции, сделаны выводы и даны рекомендации.

Эмпирическую основу составили материалы официального сайта РТИ, статистические данные Конференции ООН по торговле и развитию (UNCTAD) и индексы, рассчитанные World Integrated Trade Solution (WITS). Ограниченный объем научной статьи позволил представить только один из приоритетных секторов развития партнерства – торговлю. Период исследования охватывает 1995–2029 гг. (в связи с наличием источников, регламентирующих деятельность объединения в этом периоде), для экономических данных – до 2024 г. (из-за временного лага баз данных в один – два года).

Этапы институционального развития РТИ

В результате анализа контента официального сайта¹ установлен перечень документов, обладающих разной юридической силой и составляющих основу для создания и функционирования РТИ. К ним относятся международные договоры (1995, 2005 гг.), декларации (2007–2025 гг.) и стратегические планы (2006–2029 гг.).

6 декабря 1995 г. подписаны два международных договора, которые считают учредительными документами этого регионального экономического объединения (Соглашение между КНДР, КНР, Республикой Корея, Монголией и Российской Федерацией о создании Консультативной комиссии по вопросам экономического развития бассейна реки Туманной и СВА, Соглашение между КНДР, КНР и Российской Федерацией о создании Координационного комитета по развитию бассейна реки Туманной), а также Меморандум о взаимопонимании по экологическим принципам, регулирующим экономическое развитие бассейна реки Туманной и СВА. Оба соглашения состоят из трех частей, содержащих принципы взаимодействия сторон (принципы международного права: взаимного уважения суверенитета и независимости всех государств, равенства, взаимной выгоды и добрососедства), положения о создании и функционировании учреждаемых органов в территориальных пределах действия соглашений (приграничные регионы КНДР, КНР и Российской Федерации), условиях вступления его в силу, депонировании (в ООН) и сроке действия (10 лет с возможностью пролонгации на 10-летний период), а также выходе сторон и разрешении споров.

Цель объединения – повышение привлекательности СВА и бассейна реки Туманной для международных инвестиций, торговли и бизнеса. Соглашения определяют, что организационная структура управления в объединении состоит из председателя, консультативной комиссии, коор-

¹ URL: <http://www.tumenprogram.org/?list-1527-1.html> (дата обращения: 11.01.2026).

динационного комитета и секретариата. Консультативная комиссия – высший орган принятия решений, в котором каждая сторона представлена заместителем министра национального правительства и еще тремя должностными лицами – собирается не реже одного раза в год, а также может дополнительно созываться председателем по запросу страны-участницы. Координационный комитет проводит консультации и обеспечивает координацию по социальным, правовым, экологическим и экономическим вопросам (особенно касающимся упрощения процедур торговли и инвестиций), состоит из заместителя министра национального правительства (или должностного лица другого уровня, который определен консенсусом) и еще трех должностных лиц каждой стороны, собирается два раза в год, а также может дополнительно созываться председателем по запросу страны-участницы. Решения принимаются на основе консенсуса. Объединение открыто для вступления других стран, а также для участия в качестве наблюдателя без права голоса заинтересованных лиц (стран, международных организаций, финансовых институтов).

2 сентября 2005 г. подписано Чанчунское соглашение стран-участниц и одобрен первый Стратегический план (SAP) на 2006–2015 гг. Соглашение пролонгировано на следующее 10-летие. Действие первых международных договоров стало политически обязывающим для сторон. Его содержание отлично от классической структуры международного договора 1995 г. и похоже, скорее, на декларацию или уведомление о согласовании направлений развития. В результате региональное экономическое объединение получило новое название (РТИ), расширило территорию действия (включая три северо-восточных провинции и Внутреннюю Монголию Китая, Расонскую торгово-экономическую зону КНДР, восточные провинции Монголии, восточные портовые города Республики Корея и часть Приморского края Российской Федерации), изменило организационную структуру (решение о создании Делового консультативного совета), принципы финансирования (переход на национальное финансирование представителей и экспертов стран-участниц в секретариате) и деятельности (осуществление региональных проектов, значимых для СВА и РТИ, проведение ежегодного инвестиционного форума в дни заседаний Консультативной комиссии).

Дальнейшее институциональное развитие РТИ оформлено посредством деклараций по итогам заседаний Консультативной комиссии, однако не все находятся в открытом доступе.

15 ноября 2007 г. во Владивостокской декларации по итогам 9-го заседания стороны договорились о создании Делового консультативного совета, Энергетического совета, Совета по туризму, Совета по окружающей среде, а также о переходе к проектной финансовой модели.

24 марта 2009 г. в Улан-Баторской декларации по итогам 10-го заседания обозначено создание Транспортного совета, выражена заинтересованность в Комитете по содействию торговле, выработана договоренность проводить совместные форумы РТИ и ПРООН по местному развитию одновременно с заседаниями Координационного комитета. Проведена первая сессия с Деловым консультативным советом, что положило начало диалогу между государственным и частным секторами.

1 сентября 2010 г. в Чанчуньской декларации по итогам 11-го заседания принято решение и достигнут консенсус по созданию Комитета по содействию торговле и Форума местного развития, одобрены Программы сотрудничества в области транспорта РТИ на 2010–2012 гг.», по преобразованию секретариата в независимый орган, возглавляемый директором, развитию сотрудничества с Азиатским банком развития и другими международными финансовыми организациями.

28 сентября 2011 г. в Пхёнчханской декларации по итогам 12-го заседания стороны договорились об укреплении партнерства на более высоком политическом уровне, создании Комитета сотрудничества региональных властей (LCC), сосредоточивании на приоритетных проектах (транспортные коридоры, упрощение процедур трансграничной торговли, многосторонний туризм) и налаживании партнерских отношений с международными, региональными и двусторонними организациями и частным сектором.

10 октября 2012 г. во Владивостокской декларации по итогам 13-го заседания указано о принятии SAP на 2012–2015 гг., о подтверждении приоритета транспорта, торговли и инвестиций, туризма, энергетики и экологии, о создании Ассоциации банков развития СВА (EXIM Association) и Сети исследовательских институтов (RIN), о призыве упростить визовые процедуры, укрепить местное сотрудничество и взаимодействие с Японией и КНДР, об изучении лучших практик других региональных институциональных механизмов (АТЭС, ШОС и пр.).

30 октября 2013 г. в Улан-Баторской декларации по итогам 14-го заседания сказано об утверждении дорожной карты юридической трансформации РТИ (в международную организацию к 2016 г.), об одобрении новых проектов в приоритетных секторах, о создании Совета по сельскому хозяйству и исследовательской сети, о подписании меморандумов с Экономической и социальной комиссией ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) и Евразийской экономической комиссией (ЕЭК).

17 сентября 2014 г. в Яньбяньской декларации по итогам 15-го заседания стороны определили структуру РТИ как международную организацию (включая Министерский совет, Совет старших должностных лиц, отраслевые комитеты, секретариат), договорились о расширении сферы сотрудничества на аграрный сектор, продолжении развития Ассоциации

банков развития СВА (EXIM Association), Сети исследовательских институтов (RIN) и Комитета сотрудничества региональных властей (LCC).

28 апреля 2016 г. в Сеульской декларации по итогам 16-го заседания указано о реструктуризации Комитета по содействию торговле (TFC) в Комитет по торговле и инвестициям (TIC) с созданием Подкомитета по таможенному сотрудничеству (CSC), об одобрении руководства РТИ по программным проектам, проектов «Схема сотрудничества по уполномоченным экономическим операторам» и «Предложение по Стратегии экологического сотрудничества РТИ в СВА».

29 июня 2017 г. в Московской декларации по итогам 17-го заседания сказано об одобрении SAP на 2017–2020 гг., Дорожной карты сотрудничества в области торговли и инвестиций на этот период, Стратегического плана в области сельского хозяйства на 2016–2020 гг., Концепции развития механизма Проектного офиса РТИ, о важности взаимодействия с инициативами стран-участниц («Один пояс – один путь», ЕАЭС, программа «Степной путь»). Дополнительно сделан акцент на развитии государственно-частного партнерства и необходимости увеличения финансирования.

22 июня 2018 г. в Улан-Батумской декларации по итогам 18-го заседания отмечено о прогрессе в переговорах по реорганизации РТИ в межправительственную организацию и призыве к имплементации этого решения на национальном уровне, подчеркнута нехватка финансовых и кадровых ресурсов Секретариата, важность повышения осведомленности об РТИ среди заинтересованных сторон и налаживания связей с партнерами в области развития, о подписании Меморандума о взаимопонимании со Всемирной туристской организацией (UNWTO). Отмечены позитивные политические изменения в регионе – стороны приветствуют Пханмунджомскую декларацию и саммит США – КНДР в Сингапуре. КНДР приглашена рассмотреть вопрос о повторном вступлении.

22 августа 2019 г. в Чанчуньской декларации по итогам 19-го заседания стороны повторно указали на стремление к продвижению переговоров о юридической трансформации РТИ в межправительственную организацию по экономическому сотрудничеству, приветствовали создание Деловой ассоциации Северо-Восточной Азии (NEA BA), поддержку и содействие инициативам, проектным предложениям и мероприятиям, выдвигаемым и реализуемым на разных уровнях, а также акцентировали внимание на практических результатах, развитии региональных цепочек создания стоимости и усилении роли частного сектора. Выражена надежда на мир и процветание после межкорейского саммита в Пхеньяне.

16 декабря 2020 г. в Сеульской декларации по итогам 20-го заседания достигнуто понимание о «преобразовании РТИ в международную

организацию – задача на перспективу»¹, сделан акцент на преодолении последствий пандемии, укреплении экономической устойчивости, противодействии протекционизму и использовании цифровых инструментов для построения открытой, свободной и инклюзивной экономики СВА и реализации региональной интеграции через каналы сотрудничества Комитета по торговле и инвестициям, Комитета сотрудничества региональных властей, Ассоциации банков развития СВА, Ассоциации предпринимателей и т. д., одобрен SAP на 2021–2024 гг., прозвучал призыв к максимизации взаимодействия с национальными инициативами, включая Новую северную политику Республики Корея.

23 ноября 2021 г. в Московской декларации по итогам 21-го заседания высоко оценены усилия стран-участниц по минимизации экономических и социальных последствий пандемии, а также страны выразили озабоченность о глобальной экономической неопределенности, приветствовали проведение Диалога по устойчивому финансированию и прогрессу в разработке национальных зеленых таксономий (КНР, Российская Федерация, Республика Корея), одобрены Региональная транспортная стратегия РТИ и Стратегический план действий в области сельского хозяйства на 2021–2024 гг., отмечен прогресс в проектах по межсетевому соединению и распределенной генерации, включая водородную энергетику.

8 декабря 2022 г. в Улан-Баторской декларации по итогам 22-го заседания стороны выражают обеспокоенность в связи с обострением глобальных экономических проблем (рост цен на сырьевые товары и энергоносители, усиление протекционистских мер, сбои в глобальных и региональных цепочках поставок и нестабильность финансовых и валютных рынков), отмечают необходимость проведения первого Ежегодного форума по вопросам транспортной доступности (Монголия и ЭСКАТО ООН), важность продолжения переговоров о преобразовании РТИ для усиления ее роли в регионе, повторно делают акцент на взаимодействии с инициативами стран-участниц («Один пояс – один путь», ЕАЭС, программа «Степной путь»), на повторном вступлении КНДР в объединение, подчеркивают роль цифровых инструментов в транспорте (семинары ЭСКАТО ООН-РТИ по транспортным вопросам в СВА «Цифровизация транспорта: на пути к устойчивой, бесперебойной и устойчивой связи») и торговле.

6 декабря 2023 г. в Шеньянской декларации по итогам 23-го заседания признано, что цифровизация – новый драйвер регионального сотрудничества и устойчивого развития, одобрены Дорожная карта сотрудничества РТИ в области цифровой экономики и Дорожная карта сотрудничества в области торговли и инвестиций на 2024–2026 гг., привет-

¹ См.: Расширенная Туманганская инициатива (РТИ). – URL: <https://www.mid.ru/ru> (дата обращения: 13.01.2026).

ствуется проведение семинара по водородной энергии, начата подготовка Справочника по маршрутам экотуризма в СВА.

9 декабря 2024 г. в Сеульской декларации по итогам 24-го заседания принят SAP на 2025–2029 гг., решено продолжить консультации о преобразовании РТИ, подтверждена приверженность ускорению развития цифровой (электронной) торговли как важнейшего фактора региональной интеграции и устойчивого процветания, гармонизации стандартов и поддержки малого и среднего бизнеса в области электронной торговли, в энергетике, признана важность переходных видов топлива и технологий (ВИЭ, атом, водород, СПГ), а в экологии – переход к низкоуглеродной экономике.

4 декабря 2025 г. в Московской декларации по итогам 25-го заседания сформированы политико-правовые и экономические ориентиры: подтверждено действие и продление соглашений 1995 г., запущен процесс создания рабочей группы по трансформации РТИ в независимую организацию, закреплена многоуровневая архитектура принятия решений (государства → Секретариат → комитеты → бизнес/наука), акцентировано внимание на приверженности многосторонней торговой системе, основанной на правилах с центральной ролью ВТО, стремлении к развитию взаимосвязанных и устойчивых цепочек поставок в рамках инициатив «Один пояс – один путь», Большого Евразийского партнерства, Стратегии возрождения Северо-Востока Китая, программе «Степной путь», и поиске синергии между ними.

Проведенное исследование позволило выделить 4 основных этапа развития РТИ (табл. 1).

В целом выделенные этапы различаются по правовой природе объединения, его институциональному устройству, секторальным приоритетам и географии влияния. Отмечается, что за три десятилетия РТИ эволюционировала от концепции развития через международную помощь (с 1995 г.) приграничным территориям бассейна реки Туманной, первоначально заявленным как опорные для сотрудничества, к региональной инициативе с внутренним управлением (с 2011 г.) до партнерской платформы самоуправляемого типа с вовлечением бизнеса и всех регионов стран-участниц (с 2021 г.), оставляя международную правосубъектность РТИ перспективной. Такая траектория привела к становлению ее как гибридной региональной интеграционной модели, сочетающей элементы международного публичного права, программного регулирования и проектно-ориентированного управления, действующей в регионе СВА, где первое обеспечивает легитимность и устойчивость модели, второе – динамичность и адаптивность, а третье – реализацию через практику.

Т а б л и ц а 1

Этапы развития РТИ и их характеристика

Этап	Характеристика
Международное правовое учреждение (1995–2004 гг.)	Формирование договорно-правовой основы Программы развития бассейна реки Туманная (TRADP), содержащей жесткие межгосударственные обязательства, создание двухуровневой модели управления при поддержке ПРООН, приоритетные секторы: транспорт, туризм, энергетика, инвестиции, экология. Географический охват «Чхонджин – Яньцзи – Находка»
Институциональное преформативное (2005–2010 гг.)	Пролонгация учредительных международных договоров в форме мягких политических обязательств, трансформация TRADP в РТИ, расширение территории влияния (выход за рамки бассейна реки Туманной), РТИ из донорской (UNDP-led) становится самоуправляемой странами-участницами, создание постоянного Секретариата и первых тематических советов, согласование первой стратегии, приоритетные секторы: транспорт, туризм, энергетика, инвестиции, экология
Функциональная интеграция (2011–2020 гг.)	РТИ приобретает функции регионального координатора экономической политики, сохраняя мягкий правовой характер, развитие на основе стратегических и декларативных документов, расширение и усиление роли тематических советов и приоритетных секторов (транспорт, торговля и инвестиции, туризм, энергетика, экология, сельское хозяйство), конкретизация проектов, координация национальных политик в транспорте и энергетике, взаимодействие с национальными инициативами стран – участниц РТИ, усиление частно-государственных механизмов, развитие электронной коммерции, площадка для проектной интеграции (транспорт, цифровые коридоры, энергетика)
Цифровой и экологический переход (с 2021 г.)	Оформление в региональный институт с растущей степенью самостоятельности на основе программно-стратегического управления, т. е. РТИ переходит от координации к фазе управляемого регионального развития через цифровые и финансовые механизмы; внедрение цифровых платформ и информационных систем, развитие зеленой и низкоуглеродной энергетики, формирование финансовых инструментов для региональных проектов, дополнительное расширение приоритетных секторов (цифровая экономика), расширение географии до региона СВА, подготовка к реформе международно-правового статуса партнерства

Динамика взаимной торговли стран-участниц

Классик экономической теории и один из ее основоположников, Адам Смит писал еще в XVIII в. о торговле без искусственных ограниче-

ний между соседними странами, которая «всегда выгодна, хотя и не всегда одинаково» и даже при богатом соседе подавляющее большинство остальных «выгадывает благодаря тому хорошему рынку, который создает для них его расходы» [11. – С. 472–477]. Схожее видение лежит в основе РТИ. Как следует из источников, первоначальная цель ее создания – увеличение взаимных выгод, укрепление экономики и сотрудничества, достижение более высокого и устойчивого экономического развития бассейна реки Туманной и народов СВА через обеспечение привлекательности для международных инвестиций, торговли и бизнеса. Ее достижению призваны служить стратегические планы, которые обеспечивают среднесрочное руководство для будущего сотрудничества в рамках РТИ. При этом основное внимание уделено компетенциям, ресурсам и проектам в приоритетных секторах, ориентированным на действия и результаты на территории регионов стран-участниц.

Сегодня страны-участницы обоснованно признают ее как межправительственную основу для управления региональным экономическим сотрудничеством в СВА. Устойчивость развития не остановили ни мировой финансовый кризис, ни коронакризис, ни односторонние экономические меры давления (санкции).

Об эффективности создания прочных экономических отношений партнерства часто судят по показателям, характеризующим развитие торговых потоков. Расширение географии РТИ до региона СВА позволяет учитывать данные по стране в целом, а не только ее приграничные территории. Результаты оценки показали, что страны-участницы демонстрируют высокую взаимную заинтересованность. Так, по данным UNCTAD, в 1995–2024 гг. абсолютные значения взаимного импорта товаров выросли в 24,5 раза, что в 2,3 раза превышает товарные потоки с третьими странами. Такой рост обусловлен сохраняющимися торговыми барьерами, поскольку именно на их снижение нацелена деятельность РТИ.

Совокупный импорт этих стран рос опережающими темпами. За период наблюдения он увеличился в 11,7 раза (при среднемировом значении в 4,7 раза). В результате доля партнерства в мировом импорте возросла в 2,5 раза, достигнув 17,0%, т. е. каждый шестой доллар США мирового импорта приходится на РТИ. Тем не менее институциональное развитие РТИ косвенно повлияло на торговые потоки. 1995–2004 гг. – наиболее активный период роста взаимной торговли, которая при среднегодовом темпе прироста в 19,6 процентного пункта увеличилась в 4,6 раза. Для 2005–2010 гг. характерно ускорение роста доли РТИ в мировом импорте (+4,2% за счет КНР) и среднегодовых темпов прироста Российской Федерации во взаимной торговле (до 32,7 процентного пункта), что позволило увеличить ее долю до 14,2% (+5,6 к 2004 г.). С 2021 г. отмечена активизация торговых потоков стран-участниц в 1,5 раза относи-

тельно 2011–2020 гг., основной вклад в которую внесла Российская Федерация, повлияв на структуру торговли партнерства.

Дальнейшее изучение структурных изменений во взаимной торговле РТИ свидетельствует о влиянии геополитической напряженности на направления торговых потоков. Наблюдается увеличение поляризации взаимной торговли стран – участниц РТИ как с, так и без участия Республики Корея – субъекта санкций. К 2024 г. торговля между КНР, Монголией и Российской Федерацией росла в 3,3 раза быстрее, чем с Республикой Корея. Последняя имела более скромные среднегодовые темпы прироста (11,9 процентного пункта): при опережающем росте объемов торговли стран-участниц с Республикой Корея в 1995–2004 г. (+4,7 раза против 3,9 раза взаимных потоков между КНР, Монголией и Российской Федерацией) уже в следующем периоде он замедлился на 17,3%, в 2011–2020 гг. – на 29,5%, ускорившись в 2021–2024 гг. – до 53,0%. Как результат, сокращение доли страны в импорте РТИ до 23,0 % (–5,0). Россия, наоборот, стабильно увеличивает свой вклад во взаимный товарооборот РТИ: при среднегодовом приросте импорта в абсолютных значениях на 18,4 процентного пункта объем увеличился в 14,0 раз, а доля – до 22,5 % (+13,9). Наиболее значимым для взаимного импорта остается КНР (53,2%).

Насколько такие объемы и структура взаимной торговли стран – участниц РТИ эффективны для развития экономического сотрудничества в регионе, имеет ли она потенциальные источники будущего роста? Для анализа использовался индекс интенсивности торговли (ТИ), оценивающий, с какими партнерами у респондента более тесные торговые отношения по сравнению с третьими странами и индекс комплементарности (взаимодополняемости) торговли (ТСИ), измеряющий степень соответствия экспорта респондента импорту партнера. Динамика индексов представлена в табл. 2 и на рисунке.

Значение индекса интенсивности торговли между странами – участницами РТИ подтверждает заинтересованность в партнерстве, однако имеется потенциал для роста. Как следует из табл. 2, в целом он превышает 100 процентных пунктов, указывая на более тесные отношения, чем с третьими странами. Наиболее интенсивно КНР экспортирует в Российскую Федерацию (все крупные товарные группы в относительно равной степени) и Российская Федерация – в КНР (потребительские товары и сырье), КНР – в Республику Корея (средства производства и потребительские товары) и Монголию (средства производства и сырье). В то же время отрицательная динамика индекса Монголии и Республики Корея свидетельствует о том, что их внешняя торговля в большей степени ориентирована на другие регионы. При этом первая экспортирует странам – участницам РТИ преимущественно потребительские товары (КНР, Российская Федерация, Республика Корея) и полуфабрикаты (Республика

Корея), а вторая – средства производства (КНР, Российская Федерация) и сырье (Российская Федерация, Монголия).

Т а б л и ц а 2

**Динамика индекса интенсивности торговли между странами –
участницами РТИ, 1995–2024 гг.***

Страна	Год								2024/ 1995
	1995	2004	2005	2010	2011	2020	2021	2024	
КНР – РК	117,9	145,1	147,3	130,9	133,5	149,6	145,6	152,7	1,30
КНР – РФ**	–	69,14	73,25	132,4	127,1	152,2	160,0	–	2,31
КНР – Монголия**	–	242,5	248,3	–	–	229,4	235,1	–	0,97
РК – КНР	349,8	387,5	406,3	318,4	305,2	251,9	239,0	218,2	0,62
РК – РФ**	–	93,71	141,6	102,2	123,6	93,06	132,9	–	1,42
РК – Монголия**	–	209,4	188,1	–	–	134	135,5	–	0,65
РФ – КНР	210,7	101,9	101,5	72,21	81,1	146,1	131,2	278,9	1,32
РФ – РК	102,6	77,1	63,5	90,6	72,5	118,8	124,6	60,4	0,59
РФ – Монголия**	–	1 579,0	1 489,0	–	–	1 381	1 262	–	0,80
Монголия – КНР	1054,3	790,5	801,2	884,1	870,6	688,7	682,1	790,9	0,75
Монголия – РФ**	–	272	221,8	167,3	119,4	46,0	38,9	–	0,14
Монголия – РК	100,9	19,7	18,3	44,2	47,4	12,2	10,8	8,3	0,08

* Табл. 2 и рис. составлены по: URL: <https://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Restricted/Login.aspx>

** Прирост рассчитан за период 2004–2021 гг.

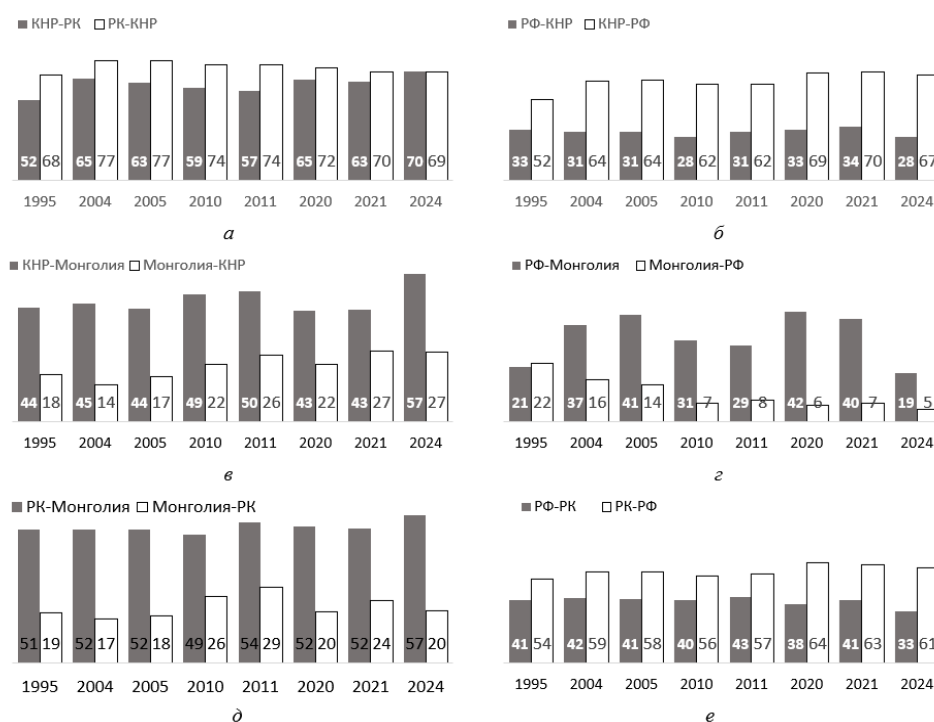

Рис. Динамика индекса взаимодополняемости торговли для стран – участниц РТИ, 1995–2024 гг.

Изменения индекса взаимодополняемости свидетельствуют об относительной совместимости торговых профилей стран и иллюстрируют разнонаправленную тенденцию в замещении импорта одной экспортом другой страны – участницы РТИ (см. рисунок).

Наилучшую сбалансированность показывает КНР, средний уровень взаимодополняемости импорта которой товарами из Республики Корея, Российской Федерации и Монголии вырос на 15,4% за 1995–2024 гг. Индекс Республики Корея также отражает положительную динамику (+4,8%). Резкое падение дополняемости торговли Российской Федерации в 2021–2024 гг. продукцией из стран – участниц РТИ (–4,8%) свидетельствует о влиянии односторонних экономических мер давления недружественных стран, требующих времени для адаптации к ним торговых потоков. В целом по РТИ рост индекса составил 3,2%.

Относительно идеальными торговыми партнерами среди стран – участниц РТИ можно считать КНР и Республику Корея. Значение индекса на уровне 69–70% свидетельствует о соответствии структуры экспорта и импорта между ними (рисунок а). Эти страны выигрывают от расширения торговли и с Российской Федерацией, и с Монголией. До 2021 г. Российская Федерация также имела достаточно высокий уровень (34–41%) взаимодополняемости торговли, что предполагает взаимовыгодное сотрудничество со странами – участницами РТИ. Динамика совпадения структуры импорта Монголии с экспортом КНР характеризуется достаточно устойчивым ростом – до 27% в 2024 г. (+8,6% с 1995 г.), Республика Корея характеризуется волатильностью между 18–29% и Российская Федерация – тенденцией формирования идеальной конкуренции в условиях, когда индекс снизился до 5,0% (рисунок е).

Проведенный анализ, будучи неисчерпывающим, тем не менее выявляет наличие устойчивых торговых связей между КНР, Республикой Корея, Российской Федерацией и Монголией, демонстрирует формирование так называемого коридора доверия и указывает на потенциал дальнейшего экономического сотрудничества. Этому способствует не только членство в РТИ, но и в других международных экономических объединениях (ВТО, МВФ, АТЭС, Группа 77, ФАО и пр.). Для количественной оценки чувствительности торговых потоков к этапам институционального развития партнерства необходимо более глубокое исследование товарной структуры торговли.

Заключение

Рассмотрение экономико-правовых особенностей сотрудничества в СВА позволило выделить этапы институционального развития РТИ. Первый этап можно обозначить как международное правовое учреждение. Он характеризуется формированием классического межгосударственного

механизма, основанного на международных договорах и строгой иерархии по модели учреждения субъекта права. В этот период наблюдается существенная активизация торговых отношений между странами – участницами РТИ. Следующий этап можно назвать институциональным переформатированием, поскольку он связан с реорганизацией партнерства, первым расширением структуры управления и секторальных приоритетов, переходом на более гибкие средства регулирования, что, возможно, и обусловило перенаправление торговых потоков в третьи страны. Третий этап – функциональная интеграция, хотя и включает два периода стратегических планов РТИ, но предполагает возможность объединить их в один этап, так как в целом партнерство трансформируется в платформу для координации экономической политики в регионе, продолжая расширение структуры, секторов, территории влияния. Торговля демонстрирует умеренные темпы роста и первые признаки фрагментации по геополитическим приоритетам. Наконец, последний – цифровой и экологический переход – этап, предполагающий внедрение гибкой многоуровневой системы управления через программно-проектные, цифровые и финансовые механизмы с участием основных стейкхолдеров и фокусом на ВИЭ. В этот период поляризация взаимной торговли отразилась на ее географической структуре и объемах.

В результате РТИ стала лабораторией мягкого права в СВА, где кооперация заменяет принуждение, а институциональное взаимодействие – формальные юридические санкции. Возможно, модель юридически слабая, но политически устойчивая, обеспечивающая постоянный канал диалога между странами региона, включая потенциально конфликтные. Тем не менее сохраняется ряд вопросов, вызывающих озабоченность стран-участниц. В политико-правовой сфере остается открытым многолетнее ожидание трансформации партнерства в полноценный субъект международного экономического права [17; 18; 21]. С растущим протекционизмом в мире страны-участницы признают серьезность проблем в сфере трансграничной торговли и прямых иностранных инвестиций в регионе [4; 16].

Преодоление ограничений региональной экономической интеграции и устойчивого развития в СВА зависит не только от укрепления партнерства с Японией и вовлечения КНДР, но и от повышения интенсивности и комплементарности торговли на основе принципа взаимной выгоды для всех участников РТИ. Реализация этих и других задач, закрепленных в декларациях и стратегических планах, призвана способствовать институционализации РТИ в межправительственную экономическую организацию в Северо-Восточноазиатском субрегионе.

Список литературы

1. Бейдина Т. Е., Литовченко А. П. Расширенная Туманганская инициатива: тенденции и перспективы // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2021. – № 9. – С. 45–54.
2. Вороненко А. К., Смирнов С. М., Холоша М. В. Интеграционные процессы в транспортной системе Северо-Восточной Азии: реалии и прогнозы // Тихоокеанская география. – 2024. – № 1. – С. 34–45.
3. Гулидов Р. В. Проект «Туманган»: вымысел и реальность // Пространственная экономика. – 2012. – № 1. – С. 90–108.
4. Гулидов Р. В. Расширенная Туманганская инициатива: новые реалии – прежние вызовы // Пространственная экономика. – 2025. – Т. 21. – № 3. – С. 188–193.
5. Забровская Л. В. Региональный проект «Туманган» как часть инициативы «Один пояс и один путь» // Информационные войны. – 2023. – № 3. – С. 61–69.
6. Кадочников П. А., Ячеистова Н. И., Гуцин Е. С. Внешнеэкономическая политика России в Азии и трансформация Расширенной Туманганской инициативы // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – № 3. – С. 14–28.
7. Ларин В. Л. Провинция Цзилинь: северный вектор открытости в современной стратегии развития // Проблемы Дальнего Востока. – 2025. – № 4. – С. 59–74. DOI: 10.31857/S0131281225040054.
8. Ли Ин. Исследование механизмов энергетического сотрудничества Китая и России в рамках международных организаций // Общество: политика, экономика, право. – 2024. – № 11. – С. 59–65.
9. Савченко А. Е., Журавская Т. Н., Иванов С. А., Зуенко И. Ю., Рыжова Н. П. Потенциальный Дальний Восток. Как расцветают и угасают проекты развития в самом большом регионе России. – М. : Common Place : Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники», 2024.
10. Самсонова В. Г. Сотрудничество РФ и КНДР в туристической отрасли // Проблемы Дальнего Востока. – 2024. – № 4. – С. 74–86.
11. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства / пер. с англ. П. Клюкина. – М. : Эксмо, 2017.
12. Степанов Н. С. 30 лет Расширенной Туманганской инициативы (РТИ): итоги и перспективы // Мир перемен. – 2025. – № 1. – С. 133–144. –
13. Толорая Г. Д., Лешаков П. С. Золотой треугольник у восточных рубежей России: перспективы трансграничного сотрудничества в дельте реки Туманная // Проблемы Дальнего Востока. – 2025. – № 5. – С. 140–155.
14. Толорая Г. Д. Москва – Пхеньян: три эпохи – три договора // Проблемы Дальнего Востока. – 2024. – № 6. – С. 7–31.

15. Ян Л. Расширенная Туманганская инициатива как модель межправительственного сотрудничества по принципу естественной экономической территории // Теории и проблемы политических исследований. – 2019. – Т. 8. – № 3А. – С. 163–172.

16. 李晓玲; 谭爽; 魏冶; 刘志高. 历史演化视角下跨境经济区域合作研究 – 以图们江次区域国际合作为例 [Ли Сяолин, Тан Шуан, Вэй Е, Лю Чжигуао. Исследование трансграничного экономического регионального сотрудничества с точки зрения исторической эволюции: на примере международного сотрудничества в субрегионе реки Туманной] // World Regional Studies. – 2024. – Vol 33. – Issue 4. – P. 1. (На китайском яз.)

17. Chang D., Byeong-Seop Y. A Study on Transforming the GTI (Greater Tumen Initiative) into Infrastructure Developer in Northeast Asia. Asia Europe Perspective Association, 2020. – DOI: 10.31203/aepa.2020.17.4.008.

18. Cui Y., Oh D. A Study on the Activation of Cooperation in Sub-Region of Tumen River by Scenario Planning // Journal of Korea Planning Association. – 2020. – No. 33. – P. 73–92. (На корейском яз.).

19. Lee Seungho, Chung Jongpil. East Asia Regional Development Cooperation through the Greater Tumen Initiative (GTI) 광역두만강개발계획을 통한 동아시아 지역개발협력 : Proceedings of the Korea Water Resources Association Conference (한국수자원학회.학술대회논문집), 2018. – P. 84. – URL: <https://koreascience.kr/article/CFKO201836062691446>. page (на корейском яз.).

20. Liu R. Research on the Multilateral Cooperation Model under the "Belt and Road" Initiative – A Case Study of Cooperation in the Tumen River Basin // Journal of Sociology and Ethnology. – 2025. – Vol. 7. – N 3.

21. Park J. Multilateral Cooperation in Northeast Asia: Insights from Micro-Regional Cooperation in the Greater Tumen Initiative (GTI) // Sage Open. – 2024. – N 14 (2). – URL: <https://doi.org/10.1177/21582440241255201>.

22. Prakash A. Infrastructure Investment for Connectivity: Convergence for People's Wellbeing // Wellbeing, Values and Lifestyles: Towards a New Development Paradigm. Singapore : Springer Nature Singapore, 2025. P. 223–235.

23. Seungho Lee, Ilpyo Hong, Jongpil Chung. Transboundary Water Cooperation in the Tumen River Basin: A Focus on the Greater Tumen Initiative // 아태연구 제 26 권 제 4 호, 2019.

24. Smirnov S.M. On Cross-Border Passenger Transportation in the Greater Tumen Region // Asia-Pacific Journal of Marine Science & Education. – 2025. – Vol. 15. – N 1. – P. 59–66.

25. Stepanov N. Development of the Greater Tumen initiative – (GTI) as one of the Institutions of Influence on the Region's Economy // Scientific

Research of the SCO Countries: Synergy and Integration. – Melbourne : AUS, 2024.

26. Tochkov K. Regional Integration and Economic Convergence in Northeast Asia: Evidence from the Greater Tumen Initiative // Journal of Northeast Asia Development. – 2015. – Vol. 17. – P. 85–108.

27. Vakulenko S., Nekhoroshkov E., Majerčák P., Karyshev M. Assessment of External Economic Cooperation in the Aspect of Transport Development of the Greater Tumen Initiative : SHS Web of Conferences, 2021.

28. Wang Y., Quan D., Zhu W., Lin Z., Jin R. Habitat Quality Assessment under the Change of Vegetation Coverage in the Tumen River Cross-Border Basin // Sustainability. – 2023. – Vol. 15. – N 12.

29. Xie H, Zhang D, Nan Y. Mapping Water Yield Service Flows in the Transnational Area of Tumen River // Sustainability. – 2025. – N 17 (10). – P. 4637.

30. Xu J. et al. Patterns of Fish Biodiversity in Border and Non-Border Rivers of the Tumen River Basin, China // Aquatic Conservation: Marine and Freshwater Ecosystems. – 2025. – Vol. 35. – N 6.

References

1. Beydina T. E., Litovchenko A. P. Rasshirennaya Tumanganskaya initsiativa: tendentsii i perspektivy [The Augmented Tumangan Initiative: Trends and Prospects] *Vestnik Zabayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Trans-Baikal State University], 2021, No. 9, pp. 45–54. (In Russ.).

2. Voronenko A. K., Smirnov S. M., Kholosha M. V. Integratsionnye protsessy v transportnoy sisteme Severo-Vostochnoy Azii: realii i prognozy [Integration Processes in the NE Asia Transport System: Realities and Prospects] *Tikhookeanskaya geografiya* [Pacific Geography], 2024, No. 1, pp. 34–45. (In Russ.).

3. Gulidov R. V. Proekt «Tumangan»: vymysel i realnost [Project «Tumangan»: Fiction and Reality] *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2012, No. 1, pp. 90–108. (In Russ.).

4. Gulidov R. V. Rasshirennaya Tumanganskaya initsiativa: novye realii – prezhnie vyzovy [Greater Tumen Initiative: New Realities – Persistent Challenges]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2025, Vol. 21, No. 3, pp. 188–193. (In Russ.). DOI: 10.14530/se.2025.3.188-193.

5. Zbrovskaya L. V. Regionalnyy proekt «Tumangan» kak chast initsiativy «Odn poyas i odn put» [Tumangan Regionak Project as Part of the One Belt and One Road Initiative]. *Informatsionnye voyny* [Information Wars], 2023, No. 3, pp. 61–69. (In Russ.).

6. Kadochnikov P. A., Yacheistova N. I., Gushchin E. S. Vneshneekonomicheskaya politika Rossii v Azii i transformatsiya Rasshirennoy Tuman-ganskoy initsiativy [Russian Foreign Economic Policy in Asia and the Transformation of the Greater Tumen Initiative]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], 2016, No. 3, pp. 14–28. (In Russ.).

7. Larin V. L. Provintsiya Tszilin: severnyy vektor otkrytosti v sovremennoy strategii razvitiya [Jilin Province: Northern Vector of Openness in Modern Development Strategy]. *Problemy Dalnego Vostoka* [Problems of the Far East], 2025, No. 4, pp. 59–74. (In Russ.).

8. Li In. Issledovanie mekhanizmov energeticheskogo sotrudnichestva Kitaya i Rossii v ramkakh mezhdunarodnykh organizatsiy [Research on the Mechanisms of Energy Cooperation between China and Russia within the Framework of International Organizations]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2024, No. 11, pp. 59–65. (In Russ.).

9. Savchenko A. E., Zhuravskaya T. N., Ivanov S. A., Zuenko I. Yu., Ryzhova N. P. Potentsialnyy Dalniy Vostok. Kak rastsvetayut i ugasayut proekty razvitiya v samom bolshom regione Rossii [Potential Far East. How Development Projects Flourish and Fade in the Largest Region of Russia]. Moscow, Common Place: Fond podderzhki sotsialnykh issledovaniy «Khamovniki», 2024. (In Russ.).

10. Samsonova V. G. Sotrudnichestvo RF i KNDR v turisticheskoy otrasli [Cooperation between the Russian Federation and the DPRK in the Tourism Industry]. *Problemy Dalnego Vostoka* [Problems of the Far East], 2024, No. 4, pp. 74–86. (In Russ.).

11. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations], translated from English P. Klyukin. Moscow, Eksmo, 2017. (In Russ.).

12. Stepanov N. S. 30 let Rasshirennoy Tumanganskoy initsiativy (RTI): itogi i perspektivy [30 Years of the Greater Tumangan Initiative (GTI): Results and Prospects], *Mir peremen* [A World of Change], 2025, No. 1, pp. 133–144. (In Russ.).

13. Toloraya G. D. Leshakov P. S. Zolotoy treugolnik u vostochnykh rubezhey Rossii: perspektivy transgranichnogo sotrudnichestva v delte reki Tumannaya [Golden Triangle at Russia's Eastern Frontiers: Prospects for Transboundary Co-operation in the Tumannaya River Delta]. *Problemy Dalnego Vostoka*, 2025, No. 5, pp. 140–155. (In Russ.).

14. Toloraya G. D. Moskva – Pkhenyan: tri epokhi – tri dogovora // *Problemy Dalnego Vostoka* [Problems of the Far East], 2024, No. 6, pp. 7–31. (In Russ.).

15. Yan L. Rasshirennaya Tumanganskaya initsiativa kak model mezhpriavitelstvennogo sotrudnichestva po printsipu estestvennoy

ekonomicheskoy territorii [Extended Greater Tumen Initiative as a Model of Intergovernmental Cooperation on the Principle of «Natural Economic Territory»]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Research], 2019, Vol. 8, No. 3A, pp. 163–172. (In Russ.).

16. 李晓玲; 谭爽; 魏冶; 刘志高. 历史演化视角下跨境经济区域合作研究 — 以图们江次区域国际合作为例 [Ли Сяолин, Тан Шуан, Вэй Е, Лю Чжиган. Исследование трансграничного экономического регионального сотрудничества с точки зрения исторической эволюции: на примере международного сотрудничества в субрегионе реки Туманной]. *World Regional Studies*, 2024, Vol 33, Issue 4, p. 1. (In Chinese).

17. Chang D., Byeong-Seop Y. A Study on Transforming the GTI (Greater Tumen Initiative) into Infrastructure Developer in Northeast Asia. Asia Europe Perspective Association, 2020. DOI: 10.31203/aeapa.2020.17.4.008.

18. Cui Y., Oh D. A Study on the Activation of Cooperation in Sub-Region of Tumen River by Scenario Planning. *Journal of Korea Planning Association*, 2020, No. 33, pp. 73–92.

19. Lee Seungho, Chung Jongpil. East Asia Regional Development Cooperation through the Greater Tumen Initiative (GTI) 광역두만강개발계획을 통한 동아시아 지역개발협력: Proceedings of the Korea Water Resources Association Conference (한국수자원학회. 학술대회논문집), 2018. – P. 84. Available at: <https://koreascience.kr/article/CFKO201836062691446.page> (In Korean).

20. Liu R. Research on the Multilateral Cooperation Model under the "Belt and Road" Initiative – A Case Study of Cooperation in the Tumen River Basin. *Journal of Sociology and Ethnology*, 2025, Vol. 7, No. 3.

21. Park J. Multilateral Cooperation in Northeast Asia: Insights from Micro-Regional Cooperation in the Greater Tumen Initiative (GTI). *Sage Open*, 2024, No. 14 (2).

22. Prakash A. Infrastructure Investment for Connectivity: Convergence for People's Wellbeing // *Wellbeing, Values and Lifestyles: Towards a New Development Paradigm*. Singapore, Springer Nature Singapore, 2025, pp. 223–235.

23. Seungho Lee, Ilpyo Hong, Jongpil Chung. Transboundary Water Cooperation in the Tumen River Basin: A Focus on the Greater Tumen Initiative. *아태연구 제 26 권 제 4 호*, 2019

24. Smirnov S. M. On Cross-Border Passenger Transportation in the Greater Tumen Region. *Asia-Pacific Journal of Marine Science & Education*, 2025, Vol. 15, No. 1, pp. 59–66.

25. Stepanov N. Development of the Greater Tumen initiative – (GTI) as one of the Institutions of Influence on the Region's Economy. *Scientific Research of the SCO Countries: Synergy and Integration*. Melbourne, AUS, 2024.

26. Tochkov K. Regional Integration and Economic Convergence in Northeast Asia: Evidence from the Greater Tumen Initiative. *Journal of Northeast Asia Development*, 2015, Vol. 17, pp. 85–108.

27. Vakulenko S., Nekhoroshkov E., Majerčák P., Karyshev M. Assessment of External Economic Cooperation in the Aspect of Transport Development of the Greater Tumen Initiative. SHS Web of Conferences, 2021.

28. Wang Y., Quan D., Zhu W., Lin Z., Jin R. Habitat Quality Assessment under the Change of Vegetation Coverage in the Tumen River Cross-Border Basin. *Sustainability*, 2023, Vol. 15, No. 12. DOI: 10.3390/su15129269.

29. Xie H, Zhang D, Nan Y. Mapping Water Yield Service Flows in the Transnational Area of Tumen River. *Sustainability*, 2025, No. 17 (10), p. 4637.

30. Xu J. et al. Patterns of Fish Biodiversity in Border and Non-Border Rivers of the Tumen River Basin, China. *Aquatic Conservation: Marine and Freshwater Ecosystems*, 2025, Vol. 35, – No. 6.

Поступила: 28.03.2026

Принята к печати: 30.04.2026

Сведения об авторе

Марина Валентиновна Ниязова

кандидат экономически. наук,
доцент кафедры гражданско-правовых
дисциплин ВВГУ.

Адрес: ФГБОУ ВО «Владивостокский гос-
ударственный университет», 690014,
Приморский край, Владивосток,
ул. Гоголя, д. 41.

E-mail: marinav.var@yandex.ru

ORCID 0000-0001-5638-6959

Information about the author

Marina V. Niyazova

PhD, Associate Professor
of the Department
of Civil Law Disciplines of Vladivostok
State University.

Address: Vladivostok State University,
41 Gogol Street, Vladivostok,
690014, Russian Federation.

E-mail: marinav.var@yandex.ru

ORCID 0000-0001-5638-6959